

Анна Сергеевна Заколотная¹

zakolodnay@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье рассматриваются Амурский и Приморский переселенческие районы накануне и в годы Гражданской войны. Первые изменения в переселенческом ведомстве произошли весной — летом 1917 г., когда были упразднены крестьянские начальники. Особое внимание уделено изучению сложных отношений между Приморским переселенческим районом и земством. Первое чрезвычайное приморское областное земское собрание приняло решение о ликвидации Переселенческого управления, однако его осуществлению помешал приход к власти Советов. Установлено, что реорганизация переселенческого ведомства как в Амурской, так и в Приморской областях в годы Гражданской войны происходила постоянно и отрицательно сказывалась на всей его деятельности. Проблемы финансирования учреждения, вызванные нестабильной внутриполитической обстановкой, потерей связей с центром, инфляцией, привели к уменьшению объёмов «традиционных» видов работ. Дорожное строительство, межевые и корчевальные работы выполнялись в минимальном размере. Практически полностью прекратилось проведение научных исследований и просветительская деятельность. Численность сотрудников переселенческого ведомства сократилась, причём в отдельных подразделениях в несколько раз, их материальное положение в годы Гражданской войны значительно ухудшилось. Они вынуждены были заводить подсобные хозяйства, в которых держали кур и свиней и выращивали овощи, чтобы обеспечить себя продуктами питания.

Ключевые слова: переселение, колонизация, крестьянство, Гражданская война, Амурская область, Приморская область, Дальний Восток.

Anna S. Zakolodnaya¹

zakolodnay@mail.ru

RESETTLEMENT MANAGEMENT ON THE EVE AND DURING THE CIVIL WAR IN THE RUSSIAN FAR EAST

The article deals with the Amur and Primorsky resettlement areas on the eve and during the Civil War. The first changes in the resettlement department

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

took place in the spring and summer of 1917, when the peasant chiefs were abolished. Particular attention is paid to the study of complex relations between the Primorsky resettlement area and the Zemstvo. The first emergency seaside regional zemstvo assembly decided to liquidate the Resettlement Administration. The implementation of the decision was stopped by the coming to power of the Soviets, who opposed its implementation. It has been established that the reorganization of the resettlement department both in the Amur and Primorsky regions during the years of the Civil War took place constantly and had a negative impact on all its activities. The problems of financing the institution, caused by the unstable domestic political situation, the loss of ties with the center, inflation led to a decrease in the volume of “traditional” types of work. Road construction, boundary and rooting works were carried out in a minimum amount. Scientific research and educational activities have almost completely ceased. The number of employees of the resettlement department has decreased, and in some divisions by several times. The financial situation of employees of the department during the Civil War deteriorated significantly. They were forced to start subsidiary farms, where they kept chickens and pigs and grew vegetables in order to provide themselves with food.

Keywords: resettlement, colonization, peasantry, Civil War, Amur region, Primorsky region, Far East.

В Азиатской России в 1906 г. в структуру Переселенческого Управления были внесены изменения и с целью «упорядочения заведывания переселенческим делом» выделены особые районы [8, с. 182]. На Дальнем Востоке созданы Амурский и Приморский переселенческие районы, в свою очередь делившиеся на подрайоны, число которых не было постоянным и изменялось с течением времени. Возглавляли районы заведующие, чей круг обязанностей был очень широким. Фактически они полностью отвечали за переселение и устройство вновь прибывших [2, с. 5—6]. Для руководства подрайонами назначались заведующие водворением, в случае необходимости они заведовали участками на правах крестьянских начальников [1, с. 491]. В состав переселенческого подрайона обычно входило несколько отделов: межевой, гидротехнический, агрономический, ветеринарный, статистический, дорожно-строительный, оброчный, корчевальный, а также переселенческие и фельдшерские пункты, больницы и детские приюты. Приморский переселенческий район включал в себя Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 301 об.]. К 1918 г. в ведомстве работало около 600 служащих [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 219. Л. 140 об.].

В 1914 г., после вступления России в Первую мировую войну, последовали первые изменения в деятельности Переселенческого управления. Начиная с 1917 г. скорость развития событий стала быстро нарастать, вынуждая ведомство строить свою деятельность с учётом новых изменяющихся условий. 23 февраля 1917 г. в России произошла революция, в результате которой самодержавие было свергнуто, а вместо него созданы революционные органы власти: Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов [3, с. 87—89]. После получения известий о падении монархии 3 марта 1917 г. во Владивостоке и Хабаровске были образованы Комитеты общественной безопасности. 4 марта во Владивостоке прошло первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, а 7 марта организовался Совет рабочих депутатов в Хабаровске [3, с. 90—91]. 8 марта Временное правительство назначило краевым комиссаром на Дальнем Востоке депутата IV Государственной думы А.Н. Русанова [3, с. 103].

Весной 1917 г. в Приморской области происходит оформление новых органов власти. 10 апреля 1917 г. министр внутренних дел князь Г.Е. Львов в телеграмме, направленной областному губернскому комиссару, сообщил, что в ближайшее время институт крестьянских начальников будет упразднён, и предложил освободить от исполнения обязанностей тех, кто не пользовался доверием населения, а на их место назначить кандидатов по соглашению с уездными комиссарами [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 7]. 2 июня 1917 г. Министерство земледелия направило губернским, областным и уездным комиссарам циркуляр, в котором повторило вышеназванное решение, сообщив, что те имеют право также назначать на освободившиеся места помощников уездных комиссаров, с возложением на них дел по оказанию переселенцам ссудной и хозяйственной помощи [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 42, 71 об.]. Параллельно с этим население Приморской области предпринимало попытки самостоятельно реорганизовать управление на местах, о чём областной комиссар Ющенко сообщал в телеграмме, отправленной на имя министра внутренних дел [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 6]. Созданные исполнительные комитеты старались взять в свои руки административные и хозяйственные функции ранее действовавших органов. Так, по требованию исполкомов большинство крестьянских начальников и исполнявших их обязанности переселенческих чиновников были отстранены от должности. К апрелю 1917 г. только на трёх участках крестьянские начальники продолжали выполнять свои обязанности. Эффективность подобных преобразований оказалась низкой. Согласно сообщению областного комиссара «делопроизводство, которым ведали ранее

Крестьянские Начальники, в настоящее время находится в полном застое, в частности, остаются не удовлетворёнными насущные нужды переселенцев» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 11].

Учитывая сложившуюся ситуацию, Министерство земледелия 2 июня 1917 г. направило Переселенческому управлению распоряжение, в котором предлагалось увеличить «территории существующих переселенческих подрайонов, с включением в их состав и участков, находившихся до того в заведывании крестьянских начальников». Данное решение имело целью устранение «возможных затруднений при обслуживании многообразных нужд переселенцев», а также было обусловлено тем фактом, что в связи с «освобождением переселенческих подрайонных чиновников от возложенных на них при старом строе обязанностей по крестьянскому административному управлению» объём выполняемой ими работы сократился [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 42, 71 об.]. При этом их кандидатуры должны были согласовываться с исполнительными комитетами или земством [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 294 об.].

24 июня 1917 г. состоялось заседание Приморского областного исполнительного комитета, на котором заведующий переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепинин предложил вместо существующих 19 участков разделить Приморскую область на 6 переселенческих подрайонов: Хабаровский, Иманский, Спасский, Никольск-Уссурийский, Южно-Побережный и Ольгинский. Приморский областной исполнительный комитет в ответ на данное предложение постановил запросить мнения уездных исполнительных комитетов [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 45—46 об.]. Окончательное решение по данному вопросу было принято Приморским областным по крестьянским делам присутствием. Согласно журналу № 199 от 28 июня / 26 июля 1917 г. оно постановило Приморскую область «в отношении хозяйственного и общественного устройства переселенцев» разделить на 5 подрайонов: Хабаровский, Иманский, Никольск-Уссурийский, Южно-Побережный и Ольгинский. Вопрос об образовании Спасского подрайона был оставлен открытым впредь до введения земства. Предполагалось, что районы возглавят чиновники особых поручений при Переселенческом управлении [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 60—62]. Летом 1917 г. на основании избрания местными уездными организациями заведующим Хабаровским подрайоном был назначен чиновник особых поручений Переселенческого управления Людницкий, Иманским — Брытков, Южно-Побережным — Варпаховский, Ольгинским — Устинов и Никольск-Уссурийским — землемер Назаренко [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 78—78 об.]. Таким образом, по сравнению с дореволюционным временем общее число

чиновников, занимавшихся устройством переселенцев, сократилось с 12 до 5 чел. [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 294 об.].

В Амурской области события развивались противоположным образом. Так, в 1906—1917 гг. здесь существовали Буреинско-Архаринский, Кухтеринский, Селемджинский, Суражевский, Томско-Бельский, Черняево-Земский подрайоны. Однако в соответствии с циркулярным распоряжением Министерства земледелия от 2 июня 1917 г. и постановлением Амурского по крестьянским делам присутствия от 16 августа 1917 г. Амурский переселенческий район был разделён на подрайоны Алексеевский, Бирский, Буреинский, Бочкарёвский, Екатеринославский, Селемджинский, Черняево-Зейский.

Временное правительство 17 июня 1917 г. приняло постановление «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и губерниях и областях Сибири», в одном из пунктов которого указывалось, что в функции земства входит и «участие в устройении переселенческого дела в местах выхода и вселения переселенцев» [9, с. 1—2, 22]. Земские учреждения на Дальнем Востоке России в основном были сформированы к декабрю 1917 г. [10, с. 26].

Взаимоотношения между Переселенческим управлением и земскими органами с самого начала их образования складывались непросто. Изучение служебной переписки заведующего переселенческим делом в Приморской области Б.Н. Клепинина позволяет сделать вывод о том, что изначально он был сторонником развития сотрудничества с земством. Он полагал, что за ведомством следует сохранить функции по образованию колонизационного фонда, проведению дорог и мелиорации, а медицинская, ветеринарная, ссудная помощь и устройство переселенцев должны быть переданы земству [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 109. Л. 71]. В ноябре 1917 г. он направил заведующим подрайонами и больницами распоряжение составить списки имущества, распределив его, в соответствии с принятым законом от 17 июня 1917 г., на две категории. Земство должно было получить сооружения, с момента окончания постройки которых прошло не менее 5 лет, в противном случае они оставались у Переселенческого управления [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 109. Л. 4]. О желании совместной плодотворной работы свидетельствует и речь, произнесённая им на открытии Первого чрезвычайного Приморского областного земского собрания, состоявшегося 15—25 декабря 1917 г., в которой он заявил, что «переселенческая организация тратила часть своих средств на земские дела», теперь же она «ждёт с хлебом и солью новую демократическую власть» [6, с. 11].

Однако большинство участников Собрания придерживались иной точки зрения. Предложения о расширении полномочий земства были

озвучены на первом же заседании. Так, гласный Г. Щепетнов заявил, что «Закон о земстве» издан Временным правительством в 1917 г. и поэтому «по содержанию не отвечает широкому размаху творческих сил демократии, не отвечает также ни требованиям жизни, ни местным условиям, почему первое Областное Земское Собрание не находит возможным для себя строго придерживаться буквы этого закона, а разрабатывает для себя правила более целесообразные и рациональные по своему усмотрению, которыми и будет руководствоваться при решении вопросов» [6, с. 23—24]. По результатам прений было принято окончательное решение, которое гласило: «В виду того, что по закону земство является высшим местным органом по управлению „землями, владениями и лицами всех состояний“, и принимая во внимание согласование местных и общегосударственных интересов путём устранения чрезполосицы власти, — необходимо все правительственные учреждения, ведавшие управлением края, а равно и отпускаявшиеся на них кредиты, передать в руки земства, впредь до изменения налоговой системы» [6, с. 73]. Одновременное существование земства и правительственных учреждений с аналогичными функциями рассматривалось как недопустимое [6, с. 65, 73; 7, с. 5]. Попытки отдельных гласных, как, например, присяжного поверенного И.А. Фихмана, обратить внимание присутствующих на то, что данное решение противоречит закону, не были приняты во внимание [6, с. 70].

20 декабря гласный А.Н. Каликанов, отвечая на заданные ему вопросы, заявил, что первым передать свои обязанности земству должно Переселенческое управление [6, с. 66—67]. С этим утверждением было согласно большинство присутствующих. Однако отдельные лица имели иной взгляд на данный вопрос. Так, гласный Ф.Е. Манев считал необходимым первоначально определить, является ли переселение местным делом или государственным. Он полагал, что на Дальнем Востоке переселение — «дело политическое», необходимое для сохранения территории за страной. Он настаивал на том, что дальнейшая колонизационная политика должна координировать действия Переселенческого управления и земства. На его взгляд, невозможно полностью забрать «переселенческое дело» у государства, тем более что законом предусмотрен пятилетний срок перехода заселённых мест земству [6, с. 132].

На заседании 30 января 1918 г. были утверждены положения о переходе Переселенческого управления и гидротехнической партии в ведение земства, планировалось, что непосредственная передача начнётся 14 февраля [5, с. 15]. Заведующему Приморским переселенческим районом Б.Н. Клепину и начальнику Приморской

гидротехнической партии Отдела земельных улучшений А.И. Булгакову было предложено немедленно приступить к передаче «всех подведомственных им дел, учреждений и установлений».

С 14 февраля 1918 г., следуя принятому решению, Областная земская управа приступает к приёму дел переселенческого ведомства с одновременным распределением их по соответствующим отделам Управы [5, с. 16—17]. Члену Управы Б.Е. Сквирскому поручили принять документы и средства гидротехнической партии, а уездные земские управы должны были получить в своё ведение дела местных подрайонных переселенческих чиновников. Амурская казённая и контрольная палаты, Отделения государственного банка, казначейство области уведомялись о переходе к земству всех установлений, сооружений и кредитов переселенческого ведомства и гидротехнической партии.

В феврале 1918 г. процесс передачи был остановлен распоряжениями Комиссариата земледелия СНК, потребовавшего сохранить переселенческую организацию и подчинить её контролю местной советской власти. Так, 26 февраля 1918 г. комиссаром земледелия СНК издан циркуляр, где сообщалось, что с учётом начавшегося в 1918 г. движения переселенцев необходимо привлечь персонал Переселенческого управления к подготовке земельного фонда, постройке дорог, колодцев, обеспечению врачебно-продовольственной, денежной, инструкторской, кредитной помощью переселенцев [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 32 об.]. В рамках ответной меры Приморская областная земская управа 5 марта 1918 г. обратилась к крестьянам, волостным и уездным земствам, сельским и земельным комитетам Приморской области и заявила, что «не взирая на приказы из Петрограда будет продолжать свою работу по окончательной приёму Переселенческого управления в своё ведение» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 3—3 об.]. Областное крестьянское бюро также выступило за сохранение самостоятельности переселенческого ведомства. Поэтому Приморская областная земская управа вынужденно признала, что у неё отсутствует возможность реализации постановления о ликвидации переселенческих организаций [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 10, 11].

3 апреля 1918 г. Союз служащих провёл съезд с целью обсуждения сложившейся ситуации и поиска мер по «борьбе с разрушительной деятельностью земства» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 116. Л. 40; Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 295]. На съезде было избрано Временное бюро по управлению Приморским переселенческим районом, состоявшее из 9 чел., председателем которого стал заведующий переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепинин. Был также

заслушан доклад правления Приморского отдела Всероссийского союза служащих Министерства земледелия, в котором сообщалось, что надежды на совместную плодотворную деятельность с земством не оправдались, принятое на Первом областном чрезвычайном земском собрании решение о немедленной передаче земству Переселенческого управления и гидротехнической партии было расценено как противоречащее закону. В докладе подчёркивалось, что переселенческое ведомство хотело сохранить «целостность технического аппарата и автономность внутреннего распорядка», не выступая против общественного контроля или руководства, кроме того, служащие ведомства были обеспокоены своим будущим из-за нерешённости вопросов по утверждению штатов и размера заработной платы [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 116. Л. 44, 45—45 об.].

25 апреля Областная земская управа была ликвидирована [5, с. 6], а Временное бюро продолжало свою деятельность до издания 7 октября 1918 г. приказа Временного сибирского правительства, согласно которому правительственные учреждения должны возглавлять единоличные руководители [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 145, 146, 147, 150, 295].

Областное земство возобновило свою деятельность в конце июня 1918 г., после чехословацкого мятежа (29 июня) и ареста членов владивостокского Совета [3, с. 20; 4, с. 8]. После падения советской власти земство поставило перед собой две задачи: провести ликвидацию дел советских организаций и восстановить деятельность правительственных, общественных и частных организаций, вопрос о реформе Переселенческого управления был отложен до получения результатов его обсуждения Особой комиссией при Министерстве земледелия Временного правительства автономной Сибири [5, с. 17—18, 34].

Что касается выполнения основных функций переселенческого ведомства, то их объём значительно сократился. В 1917—1918 гг. Приморская область была закрыта для переселения, только к концу 1918 г. сюда стали прибывать отдельные ходоки и беженцы, причём последние не стремились получить земельный участок. К 1918 г. в области работало 4 переселенческих пункта (Хабаровский, Иманский, Никольск-Уссурийский, Владивостокский), однако по свидетельству В.Н. Галактионова, первые три в той или иной степени «были захвачены земствами и советской властью и теперь ещё не перешли полностью в ведение Управления». Во Владивостокском пункте главный барак был занят японскими войсками [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 297]. В области не было отмечено и массового оставления участков крестьянами, наблюдался только отток переселенцев из Хабаровского уезда из-за призыва

работоспособных мужчин на военную службу, и из Иманского — из-за сильных наводнений [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 299].

В Приморской области план землеотводных работ пересмотрели в сторону сокращения в начале мая 1917 г. [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 645. Л. 5]. В течение 1917—1918 гг. основные усилия были направлены на завершение землемерных работ, начатых в предыдущие годы, проведение подготовительных мероприятий, обследование незаселённого фонда. На Сахалине изучалось землепользование инородческих стойбищ, съёмка земельного фонда, разбивка усадебных участков в посёлках городского типа. Внутринадельное межевание в Приморской области не проводилось из-за призыва мужского населения в войска, а также стремления части населения «к коммуне» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 297 об. — 298]. Несмотря на то, что свободные переселенческие участки не занимались, отмечены захваты частновладельческих и церковных земель, а также самовольная рубка леса. По мнению В.Н. Галактионова, причина этого крылась в действиях руководителей земельных комитетов, убеждавших крестьян, что «вся земля принадлежит трудовому народу», что развивало у последних «хищнические стремления» и приводило к аграрным беспорядкам [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 298 об. — 299].

В Приморской области продолжалось проведение, хоть и в незначительных размерах, гидротехнических работ, направленных на осушение заболоченных участков. При этом заведующий переселенческим делом Б.Н. Клепинин считал результаты, достигнутые гидротехнической партией за 6 лет (с момента создания в 1913 г. и до 1918 г.), более чем скромными, полагая, что партия нередко занималась несвойственной ей деятельностью, например устройством семенного хозяйства в Садгороде при одновременном игнорировании запланированных работ в Иманском районе [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 239—239 об., 498—498 об.]. В области велись и корчевальные работы, но из-за высокой стоимости корчевание сплошных площадей прекратилось. При этом ведомство продолжало поддерживать крестьян, самостоятельно выполнявших данный вид работ, оказывая им техническую и материальную помощь [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 300]. Школьное и церковное строительство, снабжение новосёлов сельскохозяйственным инвентарём, семенами и лесом практически остановилось. По утверждению В.Н. Галактионова, дорожные работы «при поддержке всех общественных организаций, шли в области полным темпом, насколько позволяли отпущенные кредиты» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 301—301 об.].

О состоянии дел в Амурском переселенческом районе сведения сохранились довольно скудные. Как отмечалось в одном из изданий,

«1917—1919 годы революции, гражданской войны и борьбы с интервентами оставляют пробел в истории колонизации Амурской губернии» [4, с. 90]. Можно предположить, что проблемы, которые приходилось решать служащим ведомства, были во многом схожи с теми, с которыми сталкивались их приморские коллеги. Переселение на Амур также значительно сократилось. В частности, за 9 месяцев 1917 г. прибыло лишь 43 семьи (165 чел.) [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 868. Л. 6—39]. В том же году в мае 10 семей покинули Амурскую область под влиянием слухов о раздаче земли в Европейской России и, стремясь «не опоздать к разделу», люди бросали «налаженные уже хозяйства» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 727. Л. 7—7 об., 14—14 об.]. В феврале 1918 г. в Амурской области власть перешла в руки большевиков. Описывая происходившие события, заведующий Амурским переселенческим районом С.П. Каффка отмечал, что «с началом государственного переворота... связь с центром в значительной степени была нарушена, и... дела окраин в том числе и Амурской области стали, вполне естественно, второстепенными. В этот период времени, вполне естественно, доминирующее значение имели вопросы общеполитического характера... С переходом власти к народным комиссарам, началось усиленное разрушение большинства государственных учреждений» [РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 487. Л. 11—11 об.]. Так, например, дорожно-строительный отдел был присоединён к Сибирскому шоссевному управлению, а строительная часть была передана Особому строительному управлению Амурской области. Поэтому в 1918 г. разработка программы работ, связанных с вопросом колонизации, не осуществлялась. В декабре 1918 г. дорожно-строительный отдел Амурского переселенческого района был восстановлен, однако его деятельность в значительной степени осложнялась необходимостью розыска документов, относящихся к дорожно-строительным работам, которые оказались рассредоточены между различными советскими учреждениями по всей территории области. Тем не менее в 1919 г. было возобновлено строительство дорог, имевших наибольшее экономическое значение для населения.

Революционные события и Гражданская война полностью остановили проведение межсезонных работ [4, с. 55]. До 1917 г. основные усилия были сосредоточены в Ульминском районе в рамках реализации проекта планомерной колонизации [4, с. 283]. Данный проект был разработан и предложен в январе 1914 г. уполномоченным Главного управления землеустройства и земледелия в Амурской области Н.К. Шуманом [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 1—10 об.]. Он получил неоднозначную оценку, но несмотря на это было принято решение о его реализации, однако не на всей территории Амурской области,

как изначально планировалось автором, а только в её части, в Ульминском районе [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 864. Л. 1—4]. Вероятно, весной 1917 г. большинство работ здесь было остановлено, а центр тяжести переместился в Бирский район для выяснения пригодности его для колонизации [4, с. 284]. В это же время образовавшийся Земельный комитет, следуя примеру Европейской России, приступил к разработке земельных норм, потребовав от Переселенческого управления выделить для этой цели из состава межевой партии часть технического персонала для учёта землевладения в губернии и для участия во Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Всё это лишь привело к распылению сил, из-за чего не удалось полностью выполнить ни одной намеченной задачи: «Бирские работы выполнены не по тому плану, перепись велась в спешном порядке и учёт землевладения остался незаконченным» [4, с. 284].

В начале 1918 г. 5-й съезд трудящихся Амурской губернии признал необходимым введение закона о социализации земли. Создаются волостные земельные комитеты, занимавшиеся главным образом распределением государственных земель и уточнением границ между соседними обществами. Попытки провести такую же работу с сельскохозяйственным инвентарём вызвали отрицательное отношение населения, поэтому на 6-м съезде трудящихся в июле 1918 г. от них отказались. Все землемерные учреждения были объединены в одну землемерно-техническую часть, которой был подготовлен план мероприятий, заключающихся в съёмке старожильского района и в триангуляционных работах. На практике данный план не реализовали.

В это же время начались самовольные захваты лесных дач и казённых междугранков. Земельным комитетом предпринимались попытки остановить этот процесс путём предоставления самовольным переселенцам наделов, но положительных результатов данная попытка не принесла. Захваты продолжались. После падения советской власти в 1919 г. частная собственность была восстановлена и все частновладельческие земли были возвращены их владельцам, земельным учреждениям возвращён прежний вид. Из-за партизанского движения у межевых партий исчезла возможность проведения работ [4, с. 285].

Заведующий Амурским переселенческим районом С.П. Каффка в сентябре 1918 г. представил доклад «К вопросу о дальнейшем направлении колонизационных работ», в котором крайне отрицательно оценил приход большевиков к власти, считая, что это привело к разложению «тёмных невежественных народных масс», полному развалу экономики страны за счёт «своеобразного народного

строительства» социализма с использованием национализации, реквизиций, экспроприацией «частных и общественных ценностей» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 59]. Он был уверен, что «неизбежность установления для России в ближайшее время твёрдой власти, которая внесла бы в страну основанный на законе порядок и дала бы возможность русскому человеку вновь вернуться к мирному труду, настоятельно необходима, ощущается всеми классами населения и ставит на очередь своевременность организации подготовительных работ и материалов к разрешению Учредительным Собранием острого и имеющего огромное значение для России вопроса аграрного и тесно с ним связанного переселенческого и колонизационного» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 59]. Его надеждам не суждено было сбыться.

С установлением советской власти в 1920 г. все земельные учреждения вновь были объединены. В марте — апреле 1920 г. на 8-м съезде трудящихся принимается обширный план землеустроительных работ, охватывающий как старожильческое крестьянское и бывшее казачье население, так и другие группы. Проведение его в жизнь стало невозможно из-за действий японской армии в апреле этого же года и высокого уровня инфляции, фактически превратившей деньги в простую бумагу [4, с. 286].

В 1920 г. вместо переселенческого района был создан Амурский областной земельный отдел [4, с. 90]. Значительное внимание в своей деятельности он уделял решению землеотводного вопроса. В 1920 г. вместо переселенческого района был создан Амурский областной земельный отдел, значительное внимание в своей деятельности уделявший решению землеотводного вопроса [4, с. 90]. Это означало, что Амурский переселенческий район фактически прекратил своё существование. В 1920-м г. 8-й съезд трудящихся Амурской губернии с целью наделения безземельного и малоземельного населения образовал запасный земельный фонд в размере 187 399 дес., в который вошли бывшие частновладельческие, церковные и монастырские, войсковые запасные, свободные междугранные и надельные, состоявшие во временном пользовании земли и бывшие казённо-оброчные статьи. Распределением этого фонда среди населения занимались волостные земотделы. Часть фонда, расположенная в окрестностях Благовещенска, была признана имеющей общеобластное и государственное значение и поэтому была изъята из ведения волземотделов и передана в распоряжение Амургубземуправления [4, с. 119—120]. Во всём запасном земельном фонде, за небольшими исключениями, не было произведено точной сельскохозяйственной съёмки как при определении размеров земель,

так и при сдаче их в аренду, поэтому руководствовались архивными данными прежних межеваний, большинство из которых не соответствовали действительности, из-за чего нередко арендаторы получали вовсе не то, на что рассчитывали. Из вышеуказанной площади использоваться могли только 209 пахотных и сенокосных участков, общий размер которых составил 10 428 дес. Из этого количества в 1920 г. в одногодичную аренду сдавалось 4856 дес., в бесплатное пользование коммунальным и трудовым артелям — 3675 дес., военному ведомству — 878,5 дес. Арендная плата взималась как в денежном выражении, так и в натуральном. К 1 января 1921 г. было внесено деньгами 6527 руб. и зерном на сумму 714 руб., долг составил 9948 руб., и к его взысканию были приняты меры [4, с. 119]. Необходимо отметить, что полученные ранее данные, пускай и «несколько устаревшие», использовались и для определения ёмкости колонизационных участков, для этого привлекались сведения о числе мужчин в общинах во время их зачисления на участки, так как актуальная информация о размере переселенческих семей отсутствовала [4, с. 262].

За время Гражданской войны в Амурском переселенческом районе практически полностью прекратилось проведение научных изысканий. Так, если в 1915—1916 гг. здесь было 40 метеорологических станций, 10 опытных участков и полей, то к 1923 г. их осталось 11 и 5 соответственно. Из 5 ранее существовавших опытных полей осталось только 3 (Амурское, Пиканское и Улангинское), после превращения их в совхозы без поддержки из центра они «дожидали последние дни». Из 5 существовавших опытных участков осталось только 2, где велись лишь метеорологические наблюдения. Все остальные «под влиянием общей разрухи прекратили своё существование и остались лишь одни остатки, когда-то созданных построек, разбросанных в настоящее время среди тайги, как памятники минувшей работы и исследования». Произошло также резкое сокращение числа специалистов с 15 чел. в 1917 г. до 6 в 1923 г. Поэтому оказание «культурно-просветительной помощи» в области сельского хозяйства, ранее включавшей в себя устройство показательных посевов, проведение различного рода демонстраций, чтения лекций, было остановлено. Сохранились лишь распространявшиеся среди населения сельскохозяйственные машины, но их большая часть либо полностью вышла из строя, либо требовала капитального ремонта. Предполагалось, что ремонт будет проведён в 1923 г. в бывших мастерских Переселенческого управления, к этому времени перешедших в ведение Амурского губземуправления [4, с. 228, 233—235].

Таким образом, можно говорить о том, что последствия Гражданской войны были во многом схожи для обоих переселенческих районов, которые должны были приспособливаться к постоянным изменениям внешних условий. И в Амурском, и в Приморском переселенческих районах происходило сокращение «традиционных» функций, сильно ощущался недостаток финансирования. Переселенческие управления вынуждены были противостоять различным политическим силам, которые стремились либо реорганизовать переселенческие структуры в зависимости от имевшихся у них представлений, либо полностью их ликвидировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия: Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 638 с.
2. Воштинин В.А. Переселение и землеустройство в Азиатской России: сборник законов и распоряжений. Петроград: Тип. Петроград. тюрьмы, 1915. 509 с.
3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1)
4. Исторический обзор земледельческой колонизации в Амурской губернии за период 1857—1900 гг. и 1901—1922 гг. Чита: Издание Амурского Губернского Выставочного Бюро по секции Землеустройства, 1923. 348 с.
5. Отчёт Приморской Областной Земской Управы за шесть месяцев ее деятельности. Владивосток: Тип. Иосифа Корот, 1918. 197 с.
6. Первое Чрезвычайное Приморское Областное Земское Собрание. 15—25 декабря 1917 года. Т. 1. Журналы и протоколы заседаний и приложения к ним. Владивосток: Тип. «Далёкая Окраина» и И. Корот, 1918. 144 с.
7. Первое Чрезвычайное Приморское Областное Земское Собрание. 15—25 декабря 1917 года. Т. 2. Доклады и материалы комиссий Областного исполнительного комитета и земского собрания. Владивосток: Тип. «Далёкая Окраина» и И. Корот, 1918. 245 с.
8. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб.: Издание Переселенческого Управления, 1909. 698 с.
9. Сборник законоположений о земстве в Сибири: с приложением статей и узаконений, на которые делаются ссылки в положениях о сибирском земстве / сост. М.И. Ельевич, С.В. Корженевский. Томск: Издание Томской губернской земской управы, 1919. VII, 201 с.
10. Сергеев О.И. Местное самоуправление в годы революционных преобразований и Гражданской войны на Дальнем Востоке // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 19. С. 23—34.
11. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
12. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. *Aziatskaya Rossiya: T. 1. Lyudi i poryadki za Uralom* [Asian Russia: Vol. 1. People and Orders beyond the Urals]. Saint Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya Publ., 1914, 638 p. (In Russ.)
2. Voshchinin V.A. *Pereselenie i zemleustroystvo v Aziatskoy Rossii: sbornik zakonov i rasporyazheniy* [Resettlement and Land Management in Asian Russia: Collection of Laws and Regulations]. Petrograd, Tip. Petrograd. tyur'my Publ., 1915, 509 p. (In Russ.)
3. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoy voyny* [The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1 [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1]). (In Russ.)
4. *Istoricheskiy obzor zemledel'cheskoy kolonizatsii v Amurskoy gubernii za period 1857—1900 gg. i 1901—1922 gg.* [Historical Review of Agricultural Colonization in the Amur Province for the Period 1857—1900 and 1901—1922]. Chita, Izdanie Amurskogo Gubernskogo Vystavochnogo Byuro po seksii Zemleustroystva Publ., 1923, 348 p. (In Russ.)
5. *Otchet Primorskoy Oblastnoy Zemskoy Upravy za shest' mesyatsev eya deyatel'nosti* [The Report of the Primorsky Regional Zemstvo Council for Six Months of Its Activity]. Vladivostok, Tip. Iosifa Korot Publ., 1918, 197 p. (In Russ.)
6. *Pervoe Chrezvychaynoe Primorskoe Oblastnoe Zemskoe Sobranie. 15—25 dekabrya 1917 goda. T. 1. Zhurnaly i protokoly zasedaniy i prilozheniya k nim* [The First Extraordinary Primorsky Regional Zemstvo Assembly. December 15—25, 1917. Vol. 1. Journals and Minutes of Meetings and Appendices to Them]. Vladivostok, Tip. «Dalekaya Okraina» i I. Korot Publ., 1918, 144 p. (In Russ.)
7. *Pervoe Chrezvychaynoe Primorskoe Oblastnoe Zemskoe Sobranie. 15—25 dekabrya 1917 goda. T. 2. Doklady i materialy komissiy Oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta i zemskogo sobraniya* [The First Extraordinary Primorsky Regional Zemstvo Assembly. December 15—25, 1917. Vol. 2. Reports and Materials of the Commissions of the Regional Executive Committee and the Zemstvo Assembly]. Vladivostok, Tip. «Dalekaya Okraina» i I. Korot Publ., 1918, 245 p. (In Russ.)
8. *Sbornik zakonov i rasporyazheniy po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustroystvu v guberniyakh i oblastiakh Aziatskoy Rossii (po 1 avgusta 1909 g.)* [Collection of Laws and Regulations on Resettlement and Land Settlement in the Provinces and Regions of Asian Russia (until August 1, 1909)]. Saint Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo Upravleniya Publ., 1909, 698 p. (In Russ.)
9. *Sbornik zakonopolozheniy o zemstve v Sibiri: s prilozheniem statey i uzakoneny, na kotorye delayutsya ssylki v polozheniyakh o sibirskom zemstve* [Collection of Legislative Provisions on the Zemstvo in Siberia: with the Appendix of Articles and Legalizations to Which References Are Made in the Regulations on the Siberian Zemstvo]. Comp. by M.I. El'evich, S.V. Korzhenevskiy. Tomsk, Izdanie Tomskoy gubernskoy zemskoy upravy Publ., 1919, VII, 201 p. (In Russ.)
10. Sergeev O.I. *Mestnoe samoupravlenie v gody revolyutsionnykh preobrazovaniy i Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke* [Local Self-government in the Years of Revolutionary Changes and Civil War in the Far East]. *Trudy Instituta istorii, arkeologii i etnografii DVO RAN*, 2018, vol. 19, pp. 23—34. (In Russ.)